

Илья Васильевич Тутаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

198095, Россия, г. Санкт-Петербург,

ул. Промышленная, д. 17, лит. А

✉ TutaevLawyer@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-46-52

**«КИТАЙСКИЙ ПЛУТОВСКОЙ УСТАВ»
КАК ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ
МЕЖДУ РУССКИМИ И КИТАЙСКИМИ ТОРГОВЦАМИ
В XVIII–XIX ВВ.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ДОКУМЕНТА ***

Взаимоотношения между Россией и Китаем¹ начались с XVII в. Оба государства стремились к оформлению добрососедских отношений, однако на протяжении всего XVII в. такие попытки, выражавшиеся в направлении дипломатических миссий и торговых караванов, не имели особого успеха [Березницкий, 2017. С. 3–4]. Тем не менее, стороны смогли придти к соглашению, итогом которого стало заключение Нерчинского договора в 1689 г. Его положения впоследствии были развиты в Кяхтинском договоре 1727 г. Вышеназванные правовые памятники были направлены на регулирование самых разных во-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

¹ В рамках настоящей статьи «Китай» и «Империя Цин» считаются равнозначными понятиями.

© И. В. Тутаев, 2021

просов: от установления границ до порядка разрешения дел о грабежах и разбоях. Однако договоры примечательны, прежде всего, тем, что именно они положили начало русско-китайской торговле.

Торговля сама по себе, будучи общественным отношением, нуждается в правовом регулировании. Империя Цин и Россия издавали самые разнообразные нормативно-правовые акты, направленные на урегулирование русско-китайской торговли. Одним из наиболее примечательных документов, изданных китайским законодателем, является «Секретная инструкция Лифаньюаня² дзаргучею из Маймайчэна». Вышеназванный документ также известен под названием «Китайского плутовского устава» (далее — «Устав»). Обозначенный правовой памятник, адресованный пограничной администрации, касался вопросов организации как русско-китайской торговли в целом, так и взаимоотношений между купцами в частности.

Содержание «Устава» позволяет задать следующий вопрос: какой характер взаимодействия (коммуникации) между русскими и китайскими купцами был установлен законодателем империи Цин в соответствии с положениями «Устава»? Ответ на обозначенный вопрос представляет собой цель настоящего исследования.

Текст «Устава» впервые был опубликован на русском языке еще в 1834 г. в журнале «Библиотека для чтения» [Китайский плутовский устав, 1834. С. 79–83], когда его актуальность уже, судя по всему, была утрачена [Лапин, 2015б. С. 631]. Хотя оригинал правового памятника не обнаружен, в настоящий момент отсутствуют опровержения подлинности самого «Устава», что, впрочем, не отменяет необходимости критического отношения к имеющемуся переводу. Сам правовой памятник практически не становился предметом для изучения. В этой связи следует отметить работы П. А. Лапина, в рамках

² Лифаньюань — орган государственной власти в империи Цин, ответственный за организацию взаимоотношений центральной имперской администрации с вассалами Китая, а также ведавший торговлей с Россией.

которых рассматривалось правовое регулирование, установленное «Уставом» [Лапин, 2015а. С. 25–41; Лапин, 2015б. С. 625–637]. Однако в них дается лишь общий обзор установленного регулирования, а сами положения «Устава» не рассматриваются детально. Указанное обстоятельство влечет необходимость в проведении более детальных исследований правового памятника.

Оценивая содержание «Устава», следует отметить, что он регулировал правовые статусы дзаргучей и купечества. Дзаргучей являлся чиновником, назначавшимся из числа монголов и обладавшим рядом исполнительных и судебных полномочий, среди которых контроль за русско-китайской торговлей [Петров, 2009. С. 5; Маланова, 2011. С. 35; Лапин, 2015а. С. 27]. Что касается купечества, которое непосредственно занималось торговой деятельностью, то совокупный анализ всех положений «Устава» в целом позволяет заключить, что оно понималось в качестве корпорации. Корпоративный характер организации китайской торговли с Россией отмечается и в научной литературе [Попов, 2010. С. 42]. Таким образом, «Устав» регулировал правовые статусы тех лиц, которые непосредственно были связаны с ведением русско-китайской торговли.

«Устав» устанавливал регулирование института купеческих собраний, в участии которых принимали дзаргучей и купечество. Указанные собрания в соответствии со ст. 1 «Устава» должны были проходить ежедневно по вечерам под председательством дзаргучей. На указанных собраниях должны были рассматриваться все вопросы, связанные с русско-китайской торговлей. По итогам обсуждения дзаргучей должен был принять решение, в соответствии с которым купцам выдавались так называемые «билеты», в которых должны быть отражены сведения об объемах торговли. Сами «билеты» были юридически значимыми документами, а торговля должна была вестись в строгом соответствии с ними. Несоблюдение положений «билета» являлось основанием для привлечения к ответственности в соответствии со ст. 9 «Устава».

Выданные дзаргучеем «билеты» являлись основой для ведения китайскими купцами торговли с Россией. При ведении самой торговли купцы должны были также исполнять обязанности, предусмотренные правовым памятником. Указанные обязанности можно систематизировать в две основные группы: разведывательные и спекуляционные, которые следует рассмотреть более детально.

Разведывательные обязанности предполагали возложение на купцов функций разведчиков, которые должны были выявлять в пользу Китая сведения о состоянии дел в России: притом не только коммерческих, но и государственных! Так, в соответствии со ст. 5 «Устава» купцы были обязаны по возможности выявлять такие сведения для последующего сообщения о них на купеческом собрании. Примечательно, что несообщение таких сведений является основанием для привлечения к ответственности в соответствии со ст. 8 «Устава». Представляется, что с указанной обязанностью тесно связан запрет на распространение китайскими купцами аналогичных сведений о состоянии дел в Китае. Подобный запрет напрямую предусмотрен в ст. 6 «Устава». Законодателем предусмотрены и меры ответственности за соответствующее правонарушение. Однако если распространение коммерческих сведений влечет в соответствии со ст. 12 «Устава» лишь заключение под стражу и ограничение на ведение торговли с Россией, то распространение государственных сведений каралось гораздо строже — битье палками за раскрытие сведений о содержании «Устава» или «билета» в соответствии со ст. 13 «Устава» и смертная казнь за раскрытие сведений о государственных делах в соответствии со ст. 14 «Устава».

Спекуляционные обязанности, в свою очередь, направлены на организацию купцами деятельности таким образом (в том числе и с применением различных хитростей и уловок, вследствие чего «Устав» и получил название «плутовского»), чтобы ситуация на рынке складывалась наиболее удачным образом исключительно для китайской стороны. В соответствии со ст. 2 «Устава» купцы

должны были привозить в Кяхту небольшое количество собственных товаров и понижать цены на русские товары. Остальные обязанности более явно предполагают применение купцами «плутинства»: объявление, якобы, «по секрету» о нужде в покупке русских товаров, необходимых государству (ст. 3 «Устава»), сообщение об отсутствии нужды в русских товарах, если те прибыли в избытке (ст. 4 «Устава»), распространение ложных сведений о состоянии дел в Китае (ст. 6 «Устава»), проявление незаинтересованности в приобретении русских товаров (ст. 7 «Устава»). Примечательно, что лишь за проявление заинтересованности к приобретению русских товаров установлена мера ответственности в соответствии со ст. ст. 15 и 16 «Устава». Судя по всему, это вызвано тем обстоятельством, что контроль за соблюдением иных обязанностей обеспечить попросту невозможно.

Вышеназванные положения Устава демонстрируют достаточно жесткое регламентирование китайским законодателем порядка ведения русско-китайской торговли. Государство принимало активную роль в определении характера торговли, в строгом соответствии с которым китайское купечество должно было вести свою деятельность, а также возлагало ряд обязанностей, связанных, прежде всего, с публичными интересами. В этой связи представляется необходимым сослаться на положение ст. 7 «Устава», которое подтверждает мысль о публичном характере торговли: «Частная значительная выгода не должна меняться на общую: последняя непременно наградит всех и в особенности каждого, ведущего свой торг основательно, а первая приносит только вред общей пользе, и сверх того разрушает порядок торговли с иностранцами».

Содержание положений «Устава» в целом позволяет выявить, что законодателем был избран императивный метод регулирования, предполагающий выстраивание модели власти-подчинения между субъектами правоотношений (где со стороны власти выступает государство в лице дзаргучея, а со стороны подчинения — купечество).

Подобный метод регулирования характерен, прежде всего, для публичных отраслей права.

Все вышесказанное, очевидно, свидетельствует о том, что русско-китайская торговля воспринималась в качестве государственно-значимой деятельности. Соответственно, китайские купцы в таком случае играли роль государственных агентов, через деятельность которых реализовывалось достижение государственных интересов. Следовательно, при взаимодействии с русскими купцами они являлись не частными лицами, ведущими предпринимательскую деятельность, а, прежде всего, трансляторами государственных интересов империи Цин, среди которых не только защита китайского рынка от иностранного влияния, но и выявление информации, имеющей существенное значение для государства.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. «Китайский плутовской устав» является примечательным нормативно-правовым актом, изданным китайским законодателем, направленным на урегулирование отдельных вопросов русско-китайской торговли. В соответствии с положениями «Устава» китайские купцы при осуществлении торговли в строгом соответствии с «билетами», выдаваемыми чиновником-дзаргучеем, должны были выполнять разведывательные и спекуляционные обязанности в публичных интересах, тем самым играя роль государственных агентов. Следовательно, коммуникация между русскими и китайскими купцами в соответствии с положениями «Устава» носила характер трансляции государственных интересов Китая.

Литература и источники

Березницкий С. В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.

Китайский плутовской устав // Библиотека для чтения. Т. IV. Отд. VII (Смесь). СПб.: Типография вдовы Плюшар с сыном, 1834. С. 79–83.

Лапин П. А. Российско-китайская торговля в Кяхте и кяхтинско-китайское наречие русского языка (первая половина XVIII — вторая половина XIX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015а. № 1. С. 25–41.

Лапин П. А. «Китайский плутовской устав», или секретная инструкция китайским пограничным властям о ведении торговых дел с Россией (первая половина XVIII — вторая половина XIX вв.) // Общество и государство в Китае. 2015б. № 2. С. 625–637.

Маланова А. В. Маньчжурские органы управления русско-монгольскими отношениями в XVII–XIX вв. // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология. 2011. № 3. С. 31–36.

Петров А. И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–14.

Попов Р. И. Экономическое поведение китайского купечества конца XVIII–первой половины XIX в. в записках русских современников // Вестник ДВО РАН. 2010. № 2. С. 40–46.